

Шэнь Янь обошёлся без лишних движений: хладнокровно прижал парня к стене, сжав пальцы на его воротнике. Ткань рубашки всё сильнее врезалась тому в шею, лишая жертву возможности вырваться. Тот беспомощно забился, пытаясь хотя бы взглядом призвать на помощь стоящего рядом приятеля.

Но паршивец, стоявший поодаль, от такой внезапной вспышки попросту остолбенел. Он застыл на месте, глядя на происходящее с нескрываемым ужасом.

По школе, конечно, ходили слухи о подвигах Шэнь Яня за её пределами, но в стенах учебного заведения он в драках замечен не был. Никто и представить не мог, что этот обычно сговорчивый и ленивый школьный задира способен на такую ледяную, сжигающую ярость. Настоящий леопард: только что дремал, но стоит наступить ему на хвост, как в то же мгновение просыпается смертоносный хищник.

Да только какой хвост они ему прижали?

Они ведь обмусоливали Цинь Цзигуя!

Разве Шэнь Янь с ним не в пух и прах поругался? Разве не твердит на каждом углу, как ненавидеть готов этого Цинь Цзигуя? По логике «враг моего врага — мой друг», Шэнь Янь если и не должен был к ним примкнуть, то уж точно не бросаться с кулаками! Это с какой вообще стати?!

Приятель наконец отмёр и рванулся разнимать:

— Да хорош вам, ребя, мы же все свои...

Один ледяной взгляд Шэнь Яня — и парень застрял на полуслове, послушно запечатав рот.

Шэнь Янь отвёл взор и безразлично смерил взглядом своего пленника, чья физиономия успела налиться багровым свекольным цветом. Разжав пальцы, он опустил руку. Паршивец тут же сполз по стене и шлёпнулся прямо на мокрый, покрытый разводами пол туалета. Схватившись за горло, он жадно задышал туалетным воздухом, пытаясь прийти в себя от пережитого страха.

Шэнь Янь сунул руки в карманы и сверху вниз взглянул на него:

— Фу Юнь, ты захлёбываешься желчью в адрес Цинь Цзигуя уже столько лет. Самому-то не тошно?

Тот, кого звали Фу Юнем, вскинул густо залитое краской лицо и возмущённо выкрикнул:

— Кто захлёбывается?! А что из сказанного мной — не правда? Разве у него есть родители?

Разве он не живёт из милости, подстраиваясь под чужие капризы и заглядывая людям в рот? Разве не строит из себя святошу круглые сутки? А сам тем временем устраивает драки и разборки из-за ревности! Что, ему делать это можно, а людям и сказать нельзя?!

— Ну да, всё так, — понимающе кивнул Шэнь Янь. — Поэтому ты и конченный мудака.

Фу Юнь опешил:

— Чего?!

Шэнь Янь непринуждённо вскинул бровь:

— Что? Ему, значит, быть мудаком можно, а мне сказать об этом нельзя? Ты ещё с малых лет таскался за Толстым Тигром и ржал над Цинь Цзигуем, что он сирота. Столько лет прошло, а Цинь Цзигуй всё равно во всём на голову выше тебя, урода с полным комплектом родителей. Может, твоим высокоинтеллектуальным предкам просто не повезло сыграть в генетическую рулетку и отгрохать один шанс из четырёх, породив такой недоразвитый рецессивный гибрид?

С биологией у Шэнь Яня было так себе, но чтобы сровнять Фу Юня с землёй, познаний хватило с лихвой.

Этот Фу Юнь рос с ними в одном ведомственном городке. С детства он учился неплохо, вот только Цинь Цзигуй учился ещё лучше. Мелкий завистник пытался во всём подражать сопернику, но раз за разом оказывался разгромлен — эта суровая карма преследовала его с начальной школы до самой старшей школы Шивай. Он с упорством барана продолжал копировать Цинь Цзигуя. В итоге тот с первым местом в параллели ушёл в элитный Класс 2-1, а Фу Юнь, не тянувший программу, вылетел в Класс 2-4. Цинь Цзигуй стал подлинным «богом в белой рубашке», а Фу Юнь — жалким подобием, парнем, который просто вечно натягивает белые сорочки. И ведь сам даже не осознавал, насколько смешон.

Шэнь Янь окинул презрительным взглядом серебристую оправу на носу Фу Юня — точную копию очков Цинь Цзигуя — и усмехнулся:

— Тебе никто не говорил, что с твоей курносой переносицей оправа такого размера делает твоё лицо плоским, как Равнина нижнего течения Янцзы?

«Сам ты плоский!» — Фу Юня едва не разорвало от злости.

— Шэнь Янь, да что с тобой вообще такое?! — выкрикнул он, потеряв всякие берега. — Ты же сам больше всех ненавидел Цинь Цзигуя! Ты же постоянно цеплялся к нему и портил ему жизнь! И кого ты теперь тут из себя святого корчишь?!

— А кто сказал, что я святой? — Шэнь Янь смерил его ледяным взглядом. — Где мои

отношения с Цинь Цзигуем, а где твои? Нас вообще можно сравнивать? Цинь Цзигуй под моей защитой. Я могу его ненавидеть, доставать и костерить на чём свет стоит — это моё личное дело. Но тебе — нельзя. Так что запомни: если я ещё хоть раз услышу от тебя подобный бред, буду лупить тебя до тех пор, пока из твоей башки не выветрится вся дурь. Вопросы есть?

Шэнь Янь смотрел на него сверху вниз. Резкие, хищные черты лица излучали неприкрытую угрозу. Он выглядел донельзя дерзким и опасным.

Однако Фу Юнь, до этого сжимавший воротник и беспомощно скрючившийся у стены, внезапно изменился в лице. Выражение его физиономии превратилось в коктейль из скрытой ярости, напускной обиды и наигранного смирения:

— Шэнь Янь, ты что, всегда так над одноклассниками измываешься? Я всего лишь сказал пару неприятных для тебя слов, а ты сразу забиваешь меня до смерти?!

Шэнь Янь недоумённо изогнул бровь.

Что за ахиною он несёт? Разве он такое говорил?

Фу Юнь раздул ноздри и нахмурился, едва не пуская слезу:

— Да, я понимаю, что сболтнул лишнего! Но я же извинился! Чего ты ещё от меня хочешь?! Зачем угрожать, что будешь избивать меня при каждой встрече?! Пользуешься тем, что твоя семья богата, и думаешь, тебе всё сойдёт с рук, можно над всеми издеваться?!

Шэнь Янь окончательно выпал в осадок.

«Чего-чего? Каких ещё избиений? И что у него вообще с рожей? С чего вдруг он корчит из себя мать-страдалицу из слезливой драмы?»

Может, у него мозг повредился, пока Шэнь Янь держал его за воротник? Да нет же, он чётко рассчитывал силу!

А что за странный вид у приятеля Фу Юня? Почему тот с остекленевшим взглядом смотрит Шэнь Яню за спину, а губы его дрожат, будто он пытается вымолвить «Де...»?

Де?!

До Шэнь Яня дошло. Он мгновенно обернулся.

И точно! У входа в туалет стоял декан Хуан Шулян. Его грудь тяжело вздымалась, уши

полыхали яростью, а из лысеющей макушки, казалось, вот-вот повалит пар. Он изо всех сил пытался сдержать гневливый порыв, но в итоге не сдержался и оглушительно заорал:

— Шэнь Янь! Ты опять за своё?! Снова издеваешься над одноклассниками?! В тебе вообще осталась хоть капля уважения к правилам?! Посмотри, до чего ты довёл Фу Юня! Как у тебя только сердце не разрывается?!

«Чего-о-о?!» — Шэнь Янь едва не задохнулся от возмущения.

В каком месте этот гад заслуживал жалости?! Разве сказанная им гниль была недостаточной мерзостью?!

Он только собрался растолковать ситуацию, как Фу Юнь, цепляясь за стену, поднялся с пола. Опустив голову, парень тихо и виновато произнёс:

— Учитель, не стоит во всём винить Шэнь Яня... Я сам виноват, не подумал, что говорю...

— Даже если не подумал, это не даёт ему права распускать руки! — бушевал Хуан Шулян.

— Да он почти и не бил... Так, не больно... — промямлил Фу Юнь.

— Не больно — значит не бил, по-твоему?! — Декан Хуан буквально извёлся от досады на его «податливость». — Фу Юнь, ты слишком мягкий и честный мальчик! Вот такие, как ты, и становятся жертвами задир!

Шэнь Янь потерял дар речи.

«Что значит "не больно"? Я его пальцем не тронул! Просто прижал к стене для остротки, даже силу контролировал!»

— Да всё было вообще не так! — не выдержал Шэнь Янь.

— А как ещё?! — гаркнул Хуан Шулян, не дав ему договорить. — Я сам всё видел! Ты зажал Фу Юня в углу и довёл взрослого парня чуть ли не до слёз! Как ты ещё будешь выкручиваться?!

Шэнь Янь всегда был прямолинейным парнем: возникла проблема — обсудили, не договорились — махаем кулаками, кто победил, тот и прав. С подобной разыгранной драмой, где парень строит из себя невинную жертву, он сталкивался впервые в жизни.

Настоящий кошмар для нормального пацана: нарваться на ушлую дрянь, играющую на публику.

К тому же Хорёк и так относился к нему с предвзятостью, камер в туалете нет, а второй парень явно на стороне Фу Юня. Доказать свою правоту теперь всё равно что воду ситом черпать.

Да и распинаться перед ними не хотелось — жаль времени. Шэнь Янь уже собрался бросить бронебойное «думайте что хотите» и свалить, как вдруг у дверного косяка раздался разборчивый двухкратный стук.

В проёме стоял Цинь Цзигуй. Окинув декана взглядом, он негромко проговорил:

— Господин декан, Шэнь Янь здесь ни при чём. Это всё моя вина.

Голос его звучал подавленно, а вид был удручённым.

Хуан Шулян никогда не видел Председателя Циня в таком состоянии, поэтому тут же спохватился:

— А ты-то тут при чём, Цзигуй?

— Ничего особенного... — отстранённо произнёс Цинь Цзигуй. — Я просто повторял иностранные слова в коридоре и услышал шум в туалете. Но из-за... из-за кое-каких личных причин не стал сразу вмешиваться. Так что виноват я.

Мужской туалет на первом этаже находился на отшибе. С одной стороны был коридор, ведущий к кабинетам старших классов — откуда и пришли Шэнь Янь с деканом. С другой — тихий сквер с платанами, куда ученики часто приходили зубрить материал.

Так что версия Цинь Цзигуя выглядела логично.

Нелогичным казалось другое: какие такие «личные причины» могли помешать Председателю ученического совета пресечь драку?

Хуан Шулян почувствовал подвох и насупился:

— Цинь Цзигуй, что именно ты слышал? Расскажи подробнее.

Стоявший рядом Фу Юнь, не уверенный, реально ли тот всё слышал, сжал кулаки и затаил дыхание.

Цинь Цзигуй мельком бросил на него холодный взгляд, после чего вновь потупился и промолчал.

Декан Хуан отличался вспыльчивым нравом, и эта пауза доводила его до каления:

— Да говори же ты! Будто учитель за вас не вступится!

Цинь Цзигуй отбросил привычную недоступность. В его опущенных глазах мелькнули едва уловимая боль и незащищённость, а благородные черты лица придавали ему до того трогательный и ранимый вид, что сердце сжималось. При этом он проговорил с безупречной рассудительностью:

— Я просто боялся, что сказанное расстроит вас, господин декан.

— Меня расстроит?

Хуан Шулян обомлел. С чего бы ему расстраиваться?

Цинь Цзигуй с трудом разомкнул губы, словно преодолевая внутреннее сопротивление:

— Фу Юнь с приятелем заявили, будто я сирота, живу из милости, а вы проявляете ко мне предвзятую благосклонность... потому что я ваш внебрачный сын. Шэнь Янь вспылil, посчитав это проявлением неуважения к вам, и не удержался — схватил Фу Юня за воротник. Что было дальше, я не знаю. Никакой драки я не слышал, только то, как Шэнь Янь пытался воззвать к его совести.

—?!!

Хуан Шулян перебрал в голове сотню вариантов, но даже в страшном сне не мог представить, насколько гнусными окажутся слова Фу Юня!

Это были не просто мальчишеские подколки или ругань — это был целенаправленный, ядовитый удар по самому больному месту!

Лицо декана мгновенно стемнело. Он строжайшим тоном обратился к обоим приятелям:

— Это правда?!

Признаться в таком было равносильно самоубийству. К тому же слова — не улики.

Фу Юнь судорожно замотал головой:

— Нет-нет! Господин декан, мы ничего подобного не говорили! Правда! Поверьте...

Не дав ему договорить, Цинь Цзигуй расстегнул свой умный браслет и протянул его декану:

— Чтобы отрабатывать произношение, я всегда записываю свои занятия на диктофон. Запись может быть не совсем чёткой, но она подтвердит: Шэнь Янь его не бил и никаких угроз расправой не произносил.

Цинь Цзигуй нажал кнопку, и из динамика браслета сквозь легкие помехи раздались мерзкие, ядовитые голоса Фу Юня и его дружка.

Удар по тщеславию выкроил из их лиц полнейшее ничтожество.

Физиономии обоих лжецов и декана Хуана стали одинаково перекошенными от шока.

А Цинь Цзигуй, снова прослушавший эти отвратительные оскорбления, сохранял внешнее спокойствие, хотя за этим хладнокровием явственно угадывалась глубокая, затаённая обида.

Вспомнив, через какие испытания пришлось пройти этому парню и каким достойным человеком он вырос несмотря ни на что, Хуан Шулян вспылал одновременно сочувствием и праведным гневом.

Да тут не то что горячий Шэнь Янь — сам декан готов был въехать этим сплетникам по первое число! Посему о наказании Шэнь Яня он даже думать забыл, гаркнув на виновников:

— А ну марш в учебную часть! Оба! Если я сегодня же не научу вас элементарной человеческой морали, то грош цена моему званию педагога!

Рявкнув это, декан снова повернулся к Цинь Цзигую.

Тот опустил веки и тихо произнёс:

— Со мной всё в порядке, господин декан. Не кипятитесь так. Я уверен, они это не со зла. Проведите с ними беседу, и достаточно. Я не в обиде.

Чем больше он проявлял великодушия, тем сильнее сжималось сердце декана.

Воистину, самые разумные дети всегда страдают больше всех!

А ведь он едва не поддался на уловки этих двух мерзавцев из четвертого класса! Наказать! Наказать по всей строгости!!

При этой мысли декан посмотрел на мнущихся у стены парней и зашипел:

— Живее шагайте!

Затем перевёл взгляд на Шэнь Яня:

— Так, Шэнь Янь. Хоть ты и заступался за справедливость, твой метод всё равно недопустим. Нельзя решать проблемы силой. Нужна мудрость! Понимаешь? Мудрость!

Шэнь Янь, ещё недавно поражавшийся актёрской игре Фу Юня, после грандиозного перформанса Цинь Цзигуя вовсе потерял дар речи. Неужели это действительно был Цинь Цзигуй?! Это он так искусно сыграл невинную жертву или правда расстроился?

Но как бы там ни было, на душе у Шэнь Яня кошки скребли. Как-никак, Цинь Цзигуй всё-таки услышал эту дрянь...

Слова декана пролетали мимо его ушей, пока тот не рявкнул над самым ухом:

— Мудрость! Шэнь Янь, где твоя мудрость?! Зачем тебе такая красивая голова дана, если ты ей только ешь?!

Только тогда парня отпустило.

Тон Хуан Шуляна заметно смягчился:

— Впрочем, видно, что парень ты в душе неглупый, отличие добра от зла понимаешь. Не безнадежен. Поэтому на собрании педагогического состава было принято решение... вручить тебе награду.

Шэнь Янь изумлённо изогнул бровь.

Сегодня что, солнце вспыхнуло на западе? Хорёк решил его наградить?

Тем временем декан вытащил схему рассадки в классе и продемонстрировал её Шэнь Яню:

— Узнаёшь?

— Ну да, схема мест. Только почему первого класса?

Декан взял красную ручку и обвёл предпоследнее место в ряду у окна:

— Знаешь, кто здесь сидит?

Шэнь Янь качнул головой.

— Третье место в параллели, глава отдела дисциплинарного контроля, Чэнь Юйбай.

—?

Декан обвёл последнее место во втором ряду от окна:

— А здесь?

Шэнь Янь снова качнул головой.

— Второе место в параллели, староста по литературе первого класса, Линь Цянь.

—??

Наконец декан с чувством обвёл последнее место в ряду у окна:

— Ну а тут кто, знаешь?

На этот раз Шэнь Янь угадал:

— Цинь Цзигуй.

— Верно. Наш лучший ученик, Председатель ученического совета, Цинь Цзигуй.

— И к чему это? — не понял Шэнь Янь.

— А к тому, что мы поставим позади Цинь Цзигуя ещё одну парту и пересадим его туда.

У Шэнь Яня возникло очень дурное предчувствие:

— И?

Декан расплылся в благостной улыбке:

— И освободившееся благословенное место — с видами на горы, реку и знания — мы отдаём тебе!

—??!

Спереди — третье место в параллели и глава отдела дисциплинарного контроля, слева — второе место в параллели и ответственная за литературу, сзади — первое место и Председатель ученического совета, а справа — окно в коридор, откуда любой учитель может без помех наблюдать за каждым его выдохом.

Какому гению пришла в голову мысль засунуть его в этот адский костёр?! За что они так с ним?!

Шэнь Янь отрезал без колебаний:

— Господин декан, нет. Исключено. Я всё равно не потяну программу первого класса.

Хуан Шулян улыбался с ангельским терпением:

— Ничего страшного. В шестом классе ты её тоже не тянешь. Зато на этом месте ты точно не будешь болтать и играть в телефоне на уроках. Чуть что — на тебя тут же донесут. Со временем не захочешь учиться — заставят. Даже если оценки не поднимешь, дисциплину натренируешь.

«У меня давление быстрее поднимется, чем дисциплина», — мысленно огрызнулся Шэнь Янь.

Он попытался зайти с другой стороны:

— Я замыкаю список по успеваемости во всей параллели. Переводить меня в первый класс — несправедливо по отношению к другим ученикам.

Декан оставался невозмутим:

— Вот если бы мы перевели кого-то из второго или третьего класса — это была бы несправедливость. А твой перевод в первый класс вся школа воспримет как изощёрённую пытку. Тебе будут только сочувствовать.

Шэнь Янь потерял дар речи.

Да вы, блин, всё прекрасно понимаете!

Он уже открыл рот для нового возражения, но Хуан Шулян пресёк попытки на корню:

— Всё, разговоры окончены. Твоя мама уже дала согласие. Это особое внимание педсовета к обладателю самого низкого балла за последние пять лет. Цени! Тем более это пока только на

месяц дополнительных занятий. Посмотрим на результаты, а там решим. Цинь Цзигуй, помоги ему перенести парту, а я пойду займусь воспитанием тех двоих из четвёртого класса.

С этими словами декан вальяжно удалился.

Шэнь Янь остался стоять на сквозняке у туалета в полном отчаянии.

Вдруг в его голове что-то щёлкнуло. Он повернулся к Цинь Цзигую и недовольно буркнул:

— Никуда я пересаживаться не буду.

Цинь Цзигуй уже сбросил образ трепетной белой лилии, вернув себе привычный высокомерно-раздражающий вид. Сунув руки в карманы брюк, он спросил:

— Серьёзно?

Шэнь Янь чуть прищурился, будто раскрыл секрет мирового масштаба:

— Ты же сидишь на одной линии с Линь Цянь. Если я сяду между вами, то стану вроде той Бабки-Горы, что разгоняет влюблённых! Буду работать твоим билетом в один конец, пока ты с ума сходишь от ревности, смотря на её затылок?

Цинь Цзигуй ненадолго застыл, осознавая ход его мыслей. Затем чуть сузил глаза:

— Ты думаешь, мне нравится Линь Цянь?

Шэнь Янь закатил глаза:

— Ещё бы! Да об этом уже вся параллель знает. Иначе с какого перепугу ты пошёл драться с той шайкой Хуанмао?

Цинь Цзигуй в мгновение ока всё понял.

Так вот почему этот капризный молоденький господин так взъелся!

Он-то думал, что Цинь Цзигуй объявляет ему холодную войну из-за симпатии к Линь Цянь. И в его глазах Цинь Цзигуй превратился в предателя, променявшего дружбу на девчонку.

Вот где собака зарыта!

А Цинь Цзигуй больше всего на свете любил решать задачи с чётким условием.

Он посмотрел Шэнь Яню прямо в глаза и спокойно произнёс:

— Я дрался с Хуанмао не из-за Линь Цянь.

Шэнь Янь вопросительно вскинул взгляд.

Цинь Цзигуй встретил его взор. Голос его прозвучал ровно и небрежно:

— Из-за тебя.

<http://bllate.org/book/20611/2119024>